

Е.А.ПЕХТЕРЕВА

**Е.ГАЙДАР ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ
(Обзор)**

Е.Гайдар с 1991 г. возглавлял рабочую группу экономистов при Госсовете РФ, разрабатывающую проект реформ российской экономики. В ноябре того же года был назначен заместителем председателя правительства по вопросам экономической политики и одновременно министром экономики и финансов в правительстве Б.Ельцина. С июня по декабрь 1992 г. был исполняющим обязанности председателя Совета Министров. Е.Гайдар вошел в историю как государственный деятель, начавший реализацию в России рыночных реформ. Он был смешен со своего поста по требованию оппозиции и после отставки возглавил Институт экономических проблем переходного периода (ИЭППП). Одновременно Е.Гайдар стал консультантом президента РФ по экономическим вопросам. В сентябре 1993 г. указом Президента он был назначен первым заместителем председателя Совета министров, а в январе 1994 г. вышел в отставку. В настоящее время является одним из лидеров блока "Союз правых сил". Е.Гайдар продолжает играть серьезную роль в формулировании экономической политики нынешней власти, которую проводят экономисты "гайдаровской школы". Крупные блоки реформ, в частности налоговый, в значительной части подготовлены Е.Гайдаром и его сотрудниками.

АНАЛИЗ МОДЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Несколько работ Е.Гайдара посвящены изучению модели социалистического развития и причин ее краха (1; 3; 10; 12).

Е.Гайдар анализирует социалистическую модель развития через призму ее предшественницы – модели направляемой государством импортозамещающей индустриализации. Характерными чертами социалистической модели являются: формирование управленческой иерархии, обеспечивающей координацию хозяйственной деятельности всей страны на основе прямых распорядительных актов, ликвидация системы рынков как основы микроэкономического регулирования, господство государственной собственности, ликвидация независимой от власти легитимной частной собственности; доминирующая роль государства в мобилизации, распределении и использовании национальных сбережений; эгалитаризм (уравнение доходов); догоняющая индустриализация на базе перераспределения ресурсов из аграрной сферы в промышленную; жесткий политический контроль; идеология, проповедующая необходимость добровольного самоограничения и самоотверженного труда.

Этот набор институциональных инноваций позволяет на время снять ряд ограничений, накладываемых на экономический рост рыночными механизмами. Масштабы национального накопления перестают зависеть от трудноуправляемых параметров – частных сбережений и инвестиций. Высокий уровень налогообложения не подавляет хозяйственную активность – она не зависит от автономных решений частных предприятий. Каналы бегства капитала надежно перекрыты. Практически отсутствуют ограничения на объем финансовых ресурсов, мобилизуемых государством на цели накопления. Предельно высокая, долгосрочно устойчивая норма национальных сбережений обеспечивает индустриальный рывок и высокие темпы экономического роста.

Фундаментальная проблема рыночной индустриализации – инерционность нормы национальных сбережений. Социалистическая модель индустриализации эту проблему решила радикально. Однако отключение рыночных механизмов (стимулов к эффективному использованию ресурсов, механизмов отбора эффективных инноваций) привело к повышению ресурсоемкости и, в частности, энергоемкости ВВП.

Именно факторы, обуславливающие чрезвычайно высокие темпы социалистической индустриализации (снижение уровня жизни сельского населения, максимально возможное перераспределение на этапе ранней индустриализации ресурсов из традиционной аграрной сферы), порождают наиболее серьезную, по мнению Е.Гайдара, аномалию

социалистического роста – расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства (1, с.29).

Рано или поздно дефицит продуктов питания в такой модели становится долгосрочной структурной проблемой, а их импорт – жесткой необходимостью. Низкая доля внешней торговли в ВВП затрудняет решение этой проблемы за счет роста экспорта обрабатывающих отраслей.

После того как первоначальные ресурсы индустриализации за счет резервов традиционного сектора исчерпаны и социалистическая страна стала импортером сельскохозяйственной продукции, на ее топливно-энергетический сектор ложится двойная нагрузка. Во-первых, рост экспорта энергоносителей – необходимая предпосылка наращивания импорта продовольствия и технологического обмена с мировой экономикой. Во-вторых, стабильная энергоемкость ВВП предполагает постоянный рост внутреннего энергопотребления по мере экономического роста. Возможности социалистического развития после исчерпания ресурсов аграрного сектора заданы верхним пределом устойчивого душевого производства энергетических ресурсов.

Теоретически, пишет Е.Гайдар, бедные ресурсами страны после первого индустриального рывка, позволяющего им повысить норму сбережения, сформировать промышленную структуру, повысить уровень образования, при своевременной смене ориентиров экономической политики могут выйти на основную (мировую) траекторию развития за счет сохраняющихся ресурсов традиционного сектора. Напротив, богатые ресурсами страны имеют возможность в рамках социализма пройти значительно более длинный путь индустриального развития. Но когда возможности роста оказываются исчерпанными, запуск рыночных механизмов для них становится более сложным делом, поскольку должен происходить в условиях острого кризиса сформированной при жесткой иерархической системе и не приспособленной к рыночным условиям структуры экономики. В то же время бедная ресурсами социалистическая страна достигает в рамках социалистической модели невысокого уровня экономического развития, при котором рождение мощных демократических процессов маловероятно. Напротив, богатая ресурсами страна способна сформировать социально-экономические предпосылки демократизации общества. Поэтому для ресурсообеспеченной социалистической страны вероятность серьезного политического кризиса тоталитарного режима существенно выше, чем для бедной ресурсами (1, с. 27, 30).

В СССР социалистическая модель развития сформировалась в конце 20-х — начале 30-х годов. Снижение уровня крестьянского потребления, масштабное изъятие ресурсов из деревни было стержнем экономической политики периода первого индустриального рывка 1929-1934 гг. Обеспеченные массированным ресурсным потоком из аграрной сферы капиталовложения позволили добиться высоких темпов роста промышленного производства. В 30-х годах в СССР ярко проявилась первая характерная черта социалистической модели роста: расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства, необычайно высокие темпы роста промышленного производства на фоне кризиса и стагнации продуктивности сельского хозяйства.

Коллективизация сняла рыночные ограничения на мобилизацию ресурсов традиционного сектора и экспорт сельскохозяйственной продукции. И все же рост экспорта оказался крайне неустойчивым. Ему мешали торговые барьеры, крайне неблагоприятная конъюнктура основных экспортных рынков. Несмотря на активные усилия по наращиванию экспортных поступлений, падала не только доля внешней торговли в ВВП, но и абсолютный объем внешнеторгового оборота. Хронический дефицит валютных ресурсов приходилось покрывать масштабным экспортом золота, применять жесткие меры экономии, отказываться от услуг иностранных специалистов.

Уровень ВВП на душу населения в СССР конца 30-х годов примерно соответствовал уровню душевого ВВП в Японии или Италии перед Первой мировой войной. Однако структура ВВП по конечному использованию радикально отличалась от этих рыночных экономик. Аномально низкая доля личного потребления позволяла одновременно обеспечивать высокий уровень накопления и масштабное государственное потребление (в первую очередь — оборонные расходы).

После Второй мировой войны в СССР линия на максимальную мобилизацию ресурсов из аграрного сектора была продолжена. Разница закупочных и розничных цен на продовольствие достигла максимума. Уже к началу 50-х годов стало ясно, что модель ранней социалистической индустриализации за счет ресурсов аграрного сектора подошла к пределу своих возможностей. В начале 60-х годов начинаются дотации аграрному сектору и уже приходится закупать зерно за границей.

В результате кризиса ранней социалистической модели роста, считает Е.Гайдар, сформировалась модель так называемого "развитого" социализма. Его характерными чертами стали: постоянный рост бюджетной нагрузки, обусловленный дотированием

сельскохозяйственной продукции; устойчивый рост импорта продовольствия, нарастающий дефицит продовольствия (1, с.33).

К концу 60-х годов, когда потенциал перелива рабочей силы из деревни в город был в основном исчерпан, необходимой предпосылкой роста советской экономики должно было стать повышение доли экспорта продукции обрабатывающих отраслей.

Поскольку возможности традиционного роста иссякли, коммунистической элите предстояло выбрать: либо начать перестройку механизмов экономического регулирования, попытаться вновь подключить рыночные регуляторы, позволяющие устраниТЬ внутренние ограничения на экономический рост в рамках социализма, либо принять как данность утрату экономического динамизма, сделав упор на стабильность и устойчивость сложившихся структур.

Объективные трудности реформирования зрелой индустриальной социалистической экономики, а также опыт Чехословакии, где реформы проложили дорогу политической дестабилизации режима, побудили руководство ЦК КПСС к концу 60-х годов твердо отказаться от серьезных рыночных экономических преобразований. Казалось, что ресурсная база и тоталитарный политический контроль гарантировали СССР долгосрочную устойчивость при низких или нулевых темпах экономического роста. Однако особенности самого социалистического роста в 70 – 80-е годы предопределили исторически быстрый крах весьма прочной на первый взгляд системы.

Е.Гайдар попытался обосновать следующую гипотезу: экономическое развитие СССР и тесно связанных с ним стран – членов СЭВ в 70-80-х годах носило внутренне неустойчивый характер, и с той траектории уже не было выхода в режим стагнирующей, но устойчивой социалистической экономики с нулевыми или стабильно низкими темпами роста. То есть падение производства в постсоциалистических странах было обусловлено не только объективными трудностями перехода, но и невозможностью устойчиво поддерживать функционирование экономических структур, сформированных в процессе роста в 70-80-е годы (1, с. 34).

Два близких по времени события сыграли определяющую роль в развитии поздней социалистической экономики: открытие высокоеффективных месторождений нефти и газа в Западной Сибири и скачкообразное повышение цен на топливо на мировых рынках после 1973 г.

"Нефтедоллары" заменили ресурсы аграрного сектора. Появились новые источники финансирования развития: быстрорастущие доходы от

внешнеэкономической деятельности заменили прежний налог с оборота на сельхозпродукцию. Появилась валюта для обеспечения комплектных поставок технологического оборудования и закупок сельхозпродукции. Энергоресурсы позволили наращивать производство и повышать доходы на душу населения без роста показателей энергоотдачи.

Вместо того чтобы направить дополнительные свободные ресурсы на обеспечение "мягкого" выхода из социализма, запуска рыночных регуляторов, их использовали для поднятия душевого ВВП выше уровня, который может устойчиво поддерживаться в рамках социалистической модели.

С начала 70-х годов экономический рост в СССР становится все более аномальным. Доля экспорта сырья быстро растет, а экспорта продукции обрабатывающих отраслей падает. В структуре экспорта в развитые капиталистические страны доля машин, оборудования и транспортных средств снижается с 5,8% ВВП в 1975 г. до 3,5 % ВВП в 1985 г. Продолжает расти и так слишком высокая доля оборонных расходов в ВВП (1, с. 35).

Развитие событий в 1970 – 1985 гг. показало, что социальная деформация традиционного сектора, порожденная социалистической моделью индустриализации, носила глубокий и труднообратимый характер. Ее последствия на этапе развитого социализма не удалось компенсировать даже большим притоком финансовых ресурсов.

В 60-е годы СССР (если исключить торговлю со странами СЭВ) был страной с относительно закрытой экономикой, с высокой ресурсообеспеченностью сложившихся экономических структур. К 1985 г. роль внешнеэкономических связей в экономике резко выросла. От внешней торговли тогда в определяющей мере стали зависеть финансовая стабильность (доходы бюджета), сохранение достигнутых норм потребления (масштабный сельскохозяйственный импорт), функционирование сельского хозяйства (импортные корма), работа предприятий, использующих комплектное импортное оборудование.

В то же время доходы от внешней торговли все в большей мере определялись ситуацией на рынке топливно-энергетических ресурсов. При неблагоприятных колебаниях конъюнктуры социалистическое хозяйство вынуждено было функционировать в условиях сокращающейся ресурсообеспеченности, что противоречит его сути. Национальные органы власти практически были не в состоянии контролировать экономическую ситуацию в стране.

Освоение новых богатых нефтяных месторождений (типа Самотлора) позволяло какое-то время обеспечивать крайне низкие

капиталоемкость и себестоимость тонны добываемой нефти. Однако при переходе к разработке средних, малых, а также глубоких и труднодоступных месторождений капиталоемкость добычи выросла в разы и на порядки. Экономика, которая приспособилась к потреблению масштабной нефтяной ренты, столкнулась с неразрешимой задачей взрывного роста потребностей в капиталовложениях в топливно-энергетический комплекс для того, чтобы хотя бы поддерживать сложившийся уровень добычи нефти.

По мнению Е.Гайдара, выбор стратегии роста, основанной на форсированном наращивании нефтедобычи и экспорта нефти, сделал социалистическую экономику заложницей не просто наличия запасов топлива, а регулярного ввода в эксплуатацию уникальных по своим характеристикам месторождений, что было за гранью реального.

Явные признаки исчерпания модели роста, основанной на нефтяных доходах, начали проявляться уже в начале 80-х годов. Несмотря на продолжающийся быстрый рост капиталовложений в топливно-энергетический комплекс (ТЭК) (в 1985 г. они в два раза превысили уровень 1975 г.) и доли ТЭК в общем объеме капиталовложений, рост добычи нефти остановился. Стоимостной объем экспорта нефти, достигнув в 1983 г. максимума, начинает сокращаться. В тот момент, по мнению Е.Гайдара, включился механизм катастрофического развала социалистической системы, резкого падения производства и уровня жизни. Лихорадочные попытки остановить падение добычи нефти в 1986-1987 гг. привели лишь к перефорсированию месторождений и ускорению темпов последующего снижения добычи. Экономика попала в порочный круг: "Недостаток средств для капиталовложений на поддержание добычи нефти – падение добычи нефти – углубление кризиса энергоемкого народного хозяйства – дальнейшее сокращение капиталовложений в нефтяную промышленность – ускорение падения производства" (1, с. 37).

К началу 80-х годов СССР утратил былую свободу финансового маневра. Активнее стали привлекаться товарные кредиты на финансирование многочисленных закупок. Обслуживание взятых кредитов происходило за счет получения новых, причем структура кредитов постепенно ухудшалась, увеличивалась доля среднесрочных и краткосрочных займов. К началу перестройки нарастание внешнего долга страны приобрело лавинообразный характер.

Когда в 1985 г. М. Горбачев пришел к руководству страной, ее экономическое положение лишь на поверхностный взгляд казалось застойно устойчивым. На деле возможности не только развития, но и

сохранения сложившегося уровня производства и потребления полностью зависели от внешних факторов: мировой конъюнктуры на нефтегазовых рынках и возможностей привлечения долгосрочных иностранных кредитов по низким процентным ставкам. Начавшееся в 80-е годы падение цен на нефть на мировом рынке, снижение абсолютного уровня экспортных поступлений свидетельствовали о том, что чуда не произойдет, "мыльный пузырь", надутый в 70-80-х годах, обречен был лопнуть (1, с. 38). С конца 1989 г. в мире заговорили, что Советский Союз начал срывать сроки платежей. По данным западной финансовой статистики, валютные резервы СССР за 1990 г. сократились почти втрое (с 14,4 до 5,1 млрд. долл.) (3, с. 16).

В этой связи принципиальное значение имел следующий факт. Основанный на нефтяных доходах экономический рост к началу 80-х годов позволил стране вплотную приблизиться по уровню ВВП на душу населения к группе развитых рыночных демократий, что объективно расшатывало тоталитарный режим. После первых робких либерализационных шагов М. Горбачева, сделанных в период ранней перестройки (1985-1987), именно эти факторы, пишет Е. Гайдар, определили появление мощной демократической волны, быстро вышедшей из-под контроля власти. Экономический кризис, порожденный падением нефтяных доходов, придал этой волне дополнительную мощь. Лишенные силовой поддержки из Москвы, стали рушиться коммунистические режимы в странах Восточной Европы.

В СССР на рубеже 1988-1989 гг. на инвестиционный цикл наложились два процесса: экономическая реформа и политическая дестабилизация. В начале 1990 г. обозначился клубок экономико-политических противоречий. Инвестиционный бум начала 80-х годов, не всегда профессионально продуманные хозяйствственные реформы создали мощный заряд подавленной инфляции. Нарастающий развал системы административного управления не позволил откладывать формирование рыночных механизмов.

Экономическая логика подсказывала: надо пойти на любые меры, чтобы устраниТЬ основные источники инфляционного давления: дефицит государственного бюджета, экспансию денежной массы. В начале 1990 г. правительство подготовило так называемую "программу оздоровления": предполагалось, уменьшив централизованные капиталовложения и оборонные расходы, сократить дефицит бюджета. Введя специальный налог, взять под контроль рост оплаты труда, перераспределить ресурсы в пользу выпуска и импорта потребительских товаров. Пока рыночные

механизмы не запущены хотя бы частично, восстановить дисциплину и порядок в народном хозяйстве.

Однако практика показала, что в условиях не работающих рычагов управления предприятия игнорируют поток поступающих сверху указаний. Попытки затормозить рост номинальных доходов населения не удалось. Не удалось добиться увеличения платежей на прибыль предприятий, продолжали возрастать дотации и ассигнования на социальные программы. Программа оздоровления экономики так и не начала реализовываться.

Когда во главе исполнительной власти СССР встал президент в лице М.Горбачева, правительство подготовило документ, получивший в обществе название “программа шоковой терапии”. Его смысл: если не удается справиться с подавленной инфляцией, значит надо разом включить механизм рыночного регулирования, дать свободу рук предприятиям в формировании производственных связей, начать разгосударствление собственности. Для защиты населения от последствий роста цен предлагалось ввести индексацию доходов.

Е.Гайдар писал тогда, что программа была внутренне логичной, но предельно рискованной. При сохраняющихся серьезных финансовых диспропорциях первым следствием освобождения цен вполне могло стать массовое бегство от обесценивающихся денег, резко повысившее бы скорость их обращения. Темпы инфляции неудержимо пойдут вверх. Сделав героический прыжок к рынку, общество окажется у разбитого корыта гиперинфляции. В той ситуации перестройка цен лишь углубила бы финансовые диспропорции. Позднее эта программа была представлена Верховному Совету в урезанном виде: цены предлагалось не разморозить, а лишь существенно повысить (3, с.13).

Сообщение о предстоящем крупном повышении цен дало мощный импульс инфляционным ожиданиям населения и предприятий: и те, и другие отреагировали в соответствии с азбукой экономической теории: энергичными попытками сократить денежные активы, обратить деньги в любые материальные ценности. Произошло абсолютное сокращение вкладов населения, ажиотажный спрос распространился практически на все поддающиеся хранению товары.

На фоне расстройства системы хозяйственных связей, регионализации рынков и формирования местных таможен темпы падения выпуска важнейших видов продукции постепенно ускорялись. Особенно опасной стала эта тенденция в нефтедобыче. Однако обострение политической обстановки в Персидском заливе привело к росту цен на нефть. Кризис в Персидском заливе также

продемонстрировал миру, как важен стабильный и предсказуемый Советский Союз. Во второй половине 1990 г. на СССР обрушилась лавина государственных кредитов. К сожалению, пишет Е.Гайдар, международная помощь была неэффективна. Государственные финансы разваливались из-за безудержного роста расходов, зарубежные кредиты лишь стимулировали дальнейший рост потребительских ожиданий, беспочвенные иллюзии, что кто-то за нас даром решит наши собственные проблемы (3, с. 16-17).

Надежда, что финансовое положение удастся стабилизировать до того, как подавленная инфляция перейдет в открытую, еще раз появилась, когда руководители Союза и России договорились объединить усилия в разработке и реализации программы углубления реформы.

Появившийся в результате документ (Программа "500 дней") воспроизводил основные идеи ортодоксальной стабилизационной программы. В тот период нужно было немедленно сломать инфляционные ожидания, сформированные предыдущей программой правительства, остановить перераспределительный азарт, накачку бюджета новыми социальными программами. Ничего подобного ни на республиканском, ни на союзном уровне не сделали.

19 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял "Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике". Этот документ в принципиальных вопросах воспроизводил логику программы "500 дней", но в радикально изменившейся ситуации он уже не имел смысла. Инфляционный механизм был запущен на полную мощность. Кризис вступил в новую фазу. Теперь финансовую стабильность можно было восстановить только на принципиально ином уровне цен, когда их рост, оторвавшись от увеличения номинальных доходов, сведет к нулю последствия предшествовавшей перераспределительной вакханалии. Е.Гайдар посчитал тогда, что необходимо принять открытую инфляцию как факт и пересмотреть экономико-политические рекомендации (3, с. 18).

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

По выражению Е.Гайдара, первые годы складывающейся рыночной экономики – это ее "детство", которое задает контуры развития на долгие годы (2, с. 4). Именно поэтому он считает, что тот период теоретических дискуссий и практических решений был очень важным для России.

Дискуссии об инфляции. К решению проблемы инфляции существует два основных подхода. Первый рассматривает инфляцию как преимущественно денежный феномен, которым можно управлять при помощи денежной политики. Второй трактует инфляцию как некий структурно заданный процесс, который предопределен технической отсталостью экономики, особенно ее монополизмом. Сравнивая эти подходы, Е.Гайдар пишет, что при изучении феномена инфляции в странах бывшего социалистического содружества бросается в глаза, что уровень инфляции исключительно сильно варьировался по странам: от 10% в Чехии в 1994 г. до 4730% в Украине в 1993 г. Причем во всех странах прослеживается четкая зависимость между темпами инфляции и предшествующим ростом денежной массы со стандартным лагом. Именно продолжительность этого лага и является специфической особенностью, зависящей как от структуры национальной экономики, так и от степени ее адаптированности к рынку. Лаг короче в экономиках меньшего масштаба (в Украине он не превышает трех месяцев, а в России приближается к шести). Лаг удлиняется в экономиках с более развитой структурой рыночных (прежде всего финансовых) институтов (в России в 1992 г. он составлял примерно три месяца, а в 1995 г. – уже шесть). Из этого Е. Гайдар делает однозначный вывод: динамика цен определяется темпами роста денежной массы с некоторым лагом (7, с.5).

Если инфляция, как полагают отдельные ученые, это некоторый структурно заданный феномен, предопределенный технической отсталостью экономики страны и монополизмом, то неизбежно напрашивается вывод, что, скажем, Украина в 50 раз технически более отсталая страна, чем Албания: ведь в 1994 г. инфляция в них составляла соответственно 900 и 16%.

Е.Гайдар предложил рассмотреть динамику инфляции также во временном разрезе. В России наблюдается очень четкая зависимость темпов роста цен от перепадов денежной политики. В ИЭППП была разработана модель, включающая в себя два фактора – рост денежной массы и инерцию инфляции с соответствующими весами. Ретроспективная проверка модели дала коэффициент корреляции роста денежной массы и инфляции, равный 0,9. По мнению Е.Гайдара, это является убедительным свидетельством в пользу того, что инфляция в России представляет собой денежный феномен и ею можно управлять при помощи денежных параметров. Такой вывод, однако, верен лишь для ситуации, когда уровень инфляции составляет выше 50% в год. Если же инфляция ниже этого уровня – включаются и другие факторы. Инфляция может поддерживаться на довольно высоком (по сравнению с

нормальным 2-3% в год) уровне – 10-40% – на протяжении достаточно продолжительного периода времени. Основным параметром, обуславливающим рост цен, является тогда не изменение спроса на деньги и не изменение скорости их обращения, как это было в период высокой инфляции, а прежде всего процесс дедолларизации экономики и соответственно рост денежной базы в связи с увеличением валютных резервов (7, с. 7).

Инфляция и экономический рост. На начальном этапе реформ в экономической литературе широко дискутировался вопрос о том, является ли денежная стабилизация необходимой предпосылкой восстановления экономического роста или, напротив, только рост объема производства позволяет стабилизировать финансы и денежное обращение. Е.Гайдар пишет, что на основе анализа данных, характеризующих развитие различных стран было доказано, что высокая (больше 40% годовых) инфляция создает серьезные препятствия на пути экономического роста. В подавляющем большинстве случаев рост ВВП начинается лишь после того, как при помощи проведения соответствующей денежной политики удается подавить инфляцию до достаточно низких значений. Как правило, экономический рост возобновляется примерно через два года после запуска серьезной программы финансовой стабилизации.

Дискутируя по этой проблеме с экономистами, которые считают, что небольшая инфляция необходима для поддержания экономического роста, Е.Гайдар пишет, что в интервале трех-четырех месяцев (краткосрочный период) снижение темпов роста номинальной денежной массы действительно может обусловить дополнительное падение производства. Но рассмотрение развития событий в долгосрочном аспекте приводит к прямо противоположному выводу. Выясняется, что экономический рост в пореформенный период начинается только в тех странах, где инфляция опускается до уровня ниже 50% в год. Там, где инфляция выше, падение производства продолжается, хотя и разными темпами (7, с. 8).

При обобщении данных об инфляции и экономическом росте (спаде) Е.Гайдар делит страны на три группы. В первую входят страны с уровнем инфляции свыше 100% в год, для которых характерно устойчивое падение производства. В вторую – страны, где этот показатель ниже 50%. Там, как правило, наблюдается устойчивый рост. В третью – страны, в которых этот показатель составляет 50-100%: для таких стран характерны разнонаправленные помесячные изменения (не наблюдается ни устойчивого роста, ни устойчивого падения). Высокая

инфляция – свидетельство показной заботы о производителе (льготы, кредиты, взаимозачеты). В то же время – это высокий налог на сбережения в национальной валюте, неизбежное "бегство" капитала, приоритет краткосрочных финансовых операций по сравнению с инвестициями в национальную промышленность. Таким образом, экономический рост жестко блокируется.

В краткосрочном периоде только там, где удается сбить инфляцию до уровня ниже 50% в год, создаются реальные предпосылки роста. Но, скажем, в интервале от 10 до 40% уже встает вопрос: насколько жесткой должна быть денежная политика и остается ли приоритетным дальнейшее снижение темпов инфляции? В этих условиях начинает действовать ряд структурных факторов, из которых наиболее влиятельным является неэластичность цен в сторону их понижения, порождающая тенденцию к повышению уровня инфляции при устранении ценовых диспропорций. Но такие факторы становятся действенными при инфляции в интервале 10-40% в год, а никак не при инфляции в 300%.

Поэтому возник вопрос – принципиальный с точки зрения современной экономической политики России, с точки зрения перехода ее в фазу экономического роста: нужно ли снижать инфляцию до уровня, совместимого с экономическим ростом, или вновь придется пойти по пути ее "разгона", что блокирует экономический рост на перспективу.

Некоторые экономисты, например Г.Явлинский, тогда писали, что в России на протяжении ряда лет будет сохраняться достаточно высокая инфляция. Суть его тезиса состоит в том, что российской экономике внутренне присуща некая "фоновая" инфляция порядка 10% в месяц, и ниже она в ближайшие годы никак опуститься не может по причинам структурного характера. Раз так, раз инфляция "внутренне присуща" России, нечего пытаться ее снижать. Практический опыт ни одной из посткоммунистических стран не подтверждает подобный вывод. Везде, где финансовая политика была более или менее последовательной, инфляция снижалась до величин, гораздо более низких, чем 120% годовых, или 8% в месяц. В 1992 г. в России удалось снизить рост цен до 10% в месяц, а в 1994 г. данный показатель опустился ниже 5% (7, с. 9).

В российской экономике с середины 90-х годов падения производства не было, а инфляция постепенно снижалась. И в такой ситуации раздавались призывы отказаться от жесткой финансовой политики и начать покрывать дефицит госбюджета за счет эмиссионных кредитов Центрального банка. Если внимательно присмотреться к опыту попыток стабилизации 1992 и 1994 гг., то ясно видно, что процесс

блокирования инфляции срывался в результате мощного давления законодателей, принимавших решения об увеличении бюджетных расходов. Логика событий свидетельствовала о том, что "фоновый" уровень инфляции создают не какие-то внешние экономические факторы, а конкретный политический механизм, соответствующим образом "институционально" оформляемый законодателями, но это уже совсем иная зависимость (7, с.10).

Экономическая реформа и налоги. Е.Гайдар в своих работах значительное внимание уделяет налоговой политике. В настоящее время доля налоговых изъятий в наиболее развитых странах колеблется в пределах от 30 до 50% ВВП. Уровень налоговых изъятий в 50% ВВП присущ "социально ориентированным" экономикам типа шведской, переживающим в настоящее время тяжелый финансовый кризис, 30%-ный уровень характерен для стран, находящихся в стадии устойчивого роста (7, с. 11).

Рассматривая экономики с уровнем развития, соответствующим российскому (ВВП на душу населения равен примерно 5 тыс.долл.), следует отметить, что лишь посткоммунистическим экономикам присущи более чем 30%-ные налоговые изъятия. Когда иерархическая система рушится и начинает действовать рыночная система координации, возникает острейшее макроэкономическое, воспроизводственное противоречие. Вся экономика привыкла работать в условиях перераспределения через бюджет половины ВВП, а сейчас государство не способно получить для этих целей более 30-35%, да и то при огромном напряжении сил. Вся экономическая структура оказалась приспособленной под такой уровень вовлеченности государства в экономику, который несовместим с работой рыночных механизмов.

Опыт показывает, что из этой ситуации существует только один стратегический выход: решительное приведение в соответствие реальных бюджетных расходов и источников налоговых поступлений, а также максимальное упрощение налоговой системы с целью повышения ее эффективности. Проблема бюджетного дефицита не может быть решена посредством повышения налоговых ставок, поскольку такие меры лишь загоняют все большую часть экономики в теневой сектор.

Вопросы упрощения налоговой системы, максимального ограничения и отмены налоговых льгот при максимальном сокращении круга применяемых налогов всегда были стратегическими для российской экономики, считает Е.Гайдар (7, с. 11).

Проблемы государственной нагрузки на экономику. Характерная черта социалистической экономики – аномально высокая

государственная нагрузка на экономику. В условиях рынка обеспечить столь масштабное перераспределение финансовых ресурсов через государственный бюджет крайне сложно или невозможно. Это явилось общим источником бюджетного кризиса, который с той или иной степенью остроты поразил на этапе стабилизации почти все страны Восточной Европы и постсоветского пространства. Бюджетные (фискальные) кризисы создают серьезные угрозы самому существованию новых социальных институтов, сложившихся за последние годы.

В постсоветском пространстве ход событий был модифицирован большей продолжительностью периода высокой открытой инфляции. Тенденция сокращения налоговых поступлений в условиях высокой инфляции (эффект Оливьера-Танзи) – хорошо изученный экономический феномен. Длительная высокая инфляция формирует "мягкую" финансовую среду: нет эффективно работающего механизма, обеспечивающего ответственность за выполнение финансовых обязательств; массовой формой ухода от налогов становятся взаимные неплатежи; пренебрежительное отношение к налоговым обязательствам укореняется в качестве социальной нормы. В результате в странах, прошедших через период длительной и высокой инфляции, государственные расходы приходится сокращать до уровней, значительно более низких, чем в странах, осуществивших стратегию радикальной дезинфляции.

Проведенные в ИЭППП расчеты по 25 странам, осуществляющим рыночные преобразования, позволили выявить статистически значимую зависимость между долей доходов бюджета расширенного правительства (под ним понимается консолидированный бюджет плюс внебюджетные фонды) и десятичным логарифмом накопленной инфляции предшествующего пятилетия. Расчеты убедительно выявили тенденцию: чем больше была в стране накопленная инфляция, тем ниже доля доходов бюджета в ВВП в период стабилизации, и наоборот (2, с. 13).

Крах социалистической экономики открывает так называемый период "чрезвычайной политики", когда традиционные лобби (особенно отраслевые) дезориентированы, не успели приспособиться к радикально изменившимся условиям и границы экономико-политического маневра резко расширяются. В это время оказывается возможным проведение политики максимально жесткого сокращения дотационной нагрузки на бюджет. В государствах, где проводились радикальные реформы и стабилизация была осуществлена при относительно высоком уровне государственных расходов, это оставляло свободу маневра не только для

стабилизации, но в ряде случаев и для роста доли социальных расходов в ВВП.

В тех странах, где процесс преобразований был растянутым, отраслевые лобби успевали приспособиться к новым условиям и попытки сокращения объемов дотирования встречали мощное сопротивление. В результате на этапе завершения стабилизации государственные доходы в этих странах оказываются гораздо ниже, чем в странах, где проводились радикальные реформы, а дотационная нагрузка – выше. В такой ситуации тяжесть сокращения государственных расходов ложится главным образом на социальные программы, возможности финансирования которых, в конечном счете, значительно сокращаются.

Таким образом, характерными особенностями отложенной стабилизации становятся более жесткая заданность бюджетной политики, предельно ограниченные возможности внутреннего финансирования дефицита бюджета, вынужденная радикальная рестрикция государственных расходов, в первую очередь за счет их социальной компоненты. К тому времени, когда необходимость стабилизационной политики осознается политическими элитами, доверие к национальной денежной системе уже серьезно подорвано, спрос на деньги становится низким, уровень налоговой дисциплины – расшатанным. В этой ситуации даже скромные по мировым стандартам масштабы внутреннего финансирования дефицита бюджета оказываются опасными. Высокая процентная ставка по государственным заимствованиям одновременно обуславливает рост расходов, связанных с обслуживанием долга, и поглощает ограниченные национальные денежные ресурсы, стимулируя экспансию неплатежей в реальном секторе. Е.Гайдар выделил три варианта решения этой проблемы.

1. Стабилизация доходов и расходов государства на уровне 35 – 40% ВВП, упрощение налоговой системы, реформы позволяющие приспособить объем государственных обязательств к заданным доходам.

2. Стабилизация государственных расходов и доходов на низком (по стандартам постсоветского пространства) уровне, радикальный демонтаж социальных обязательств социалистического периода (прекращение функционирования пенсионной системы, приватизация расходов на образование и здравоохранение). Такое развитие событий характерно для государств, прошедших через период гиперинфляции, социально-политического хаоса. Пример – Грузия.

3. Сочетание резкого сокращения текущего финансирования государственных расходов с сохранением высокого уровня декларируемых государственных обязательств, отрыв бюджетных

обязательств от реального финансирования. Именно такая ситуация имела место в России и в большинстве других стран СНГ. В этом случае государство хронически не выполняет взятые на себя обязательства.

Подобное развитие событий – результат своеобразного равновесия общественных сил, формирующегося на этапе денежной стабилизации. С одной стороны, власти не идут по пути массированного эмиссионного финансирования дефицита бюджета. С другой – сам факт денежной стабилизации, остановки инфляции придает бюджетному кризису вялотекущий характер, не позволяет снять политические ограничения на проведение структурных реформ, повышающих эффективность использования государственных средств, приводящих государственные обязательства в соответствие с реальными финансовыми ресурсами.

В той ситуации Е.Гайдар предлагал реализовать набор мер, обеспечивающих повышение эффективности бюджетных расходов, ограничить объем государственных обязательств реальными доходами. Только такой вариант, по его мнению, позволил бы справиться с бюджетным кризисом, дополнить денежную стабилизацию финансовой. Уровень государственных расходов и обязательств, достижимый на основе таких реформ, связан обратной зависимостью с периодом времени до начала их реализации. Отсрочка реформ ведет к дальнейшему падению доходов бюджета, популистским экспериментам и в среднесрочной перспективе лишь к еще большему вынужденному ограничению роли государства в экономике.

Бюджетная политика России, однако, в конце 90-х годов строилась по принципу сохранения *status quo*. Бюджет базировался на заведомо нереальных гипотезах динамики государственных доходов. Финансирование было ограничено наличными финансовыми ресурсами, и бюджет становился генератором финансовой нестабильности в экономике. Изменение пропорций распределения бюджетных ресурсов способно временно облегчить бремя недофинансирования некоторых социальных направлений (снизить задолженность по пенсиям, денежному довольствию военнослужащих), но лишь за счет усугубления проблем в других бюджетных сферах (образование, здравоохранение, наука). Текущее распределение финансовых ресурсов в этой ситуации определялось давлением различных социальных и профессиональных групп на федеральные, региональные и местные органы власти. Сохранение такой ситуации грозит возвратом к масштабному эмиссионному кредитованию дефицита бюджета.

Е.Гайдар делает важный вывод. Если определять уровень "социальности" рыночной экономики показателями доли

государственных расходов в ВВП и государственных расходов на социальные нужды в ВВП, а радикальность постсоциалистических реформ – темпами дезинфляции, то выясняется, что уровень "социальности" формирующейся экономики прямо и однозначно связан с тактикой реформ: чем радикальнее были реформы, чем быстрее был преодолен постсоциалистический инфляционный кризис, тем больше оказывается итоговая государственная нагрузка на экономику. Анализ накопленного опыта показывает: вне зависимости от собственных устремлений и идеологических пристрастий именно радикальные реформаторы постсоциалистического мира объективно вели свои страны по пути к социальной рыночной экономике. Напротив, те, кто выступал за "мягкое", медленное вхождение в рынок, инфляционное финансирование, также вне зависимости от личных устремлений объективно подталкивали свои страны к необходимости предельно жесткой "десоциализации" (2, с. 25).

Пути снижения государственной нагрузки на бюджет.

Рассуждая об опасности бюджетных кризисов в постсоветской России, Е.Гайдар рассматривает реальные пути сокращения государственных расходов. Он считает, что государственные инвестиции могут играть лишь вспомогательную роль в стимулировании роста, и надежда на устойчивое развитие российской экономики связана в первую очередь с перспективами частных капиталовложений. Именно их динамика является определяющей. Если стержень традиционной политики роста – повышение уровня налогообложения для финансирования государственных капиталовложений, то в центре новой политики должно быть снижение бюджетной нагрузки на экономику, чтобы создать благоприятные условия экспансии частных инвестиций.

Разгрузка формирующегося частнопредпринимательского сектора от избыточного бремени финансовых обязательств перед государством становится не одним из вопросов краткосрочной финансовой стабилизации, а важнейшей предпосылкой устойчивого развития. Короче говоря, надо обеспечить базу того, что называется "экономическим чудом на российской почве". Ясны и контуры важнейших преобразований.

Страна, налогоплательщики больше не могут позволить себе покрывать из бюджета неэффективность общественного сельского хозяйства. Нужна глубокая аграрная реформа, всемерное содействие развитию рыночной инфраструктуры на селе. Фактор, воспроизводящий зависимость сельского хозяйства от государственного финансирования и

связанную с ним экстремальную нагрузку на бюджет, – неразвитость системы коммерческого сезонного кредитования. Эта проблема, в свою очередь, упирается в вопрос о легализации полноценной частной собственности на землю, в свободу купли-продажи, залога земли. Помочь государства в становлении финансовой инфраструктуры, способной на коммерческих началах обеспечить обоснованные потребности в сезонном кредитовании, – естественное направление среднесрочной аграрной политики. Так же, как и развитие системы форвардных контрактов для обеспечения государственных нужд, расширение отечественного продовольственного рынка, а по мере его стабилизации – внедрение элементов таможенной защиты отечественных сельскохозяйственных производителей. Движение в этом направлении позволит уже в краткосрочной перспективе резко сократить потребность в прямых государственных ассигнованиях, а в среднесрочной – свести бюджетную нагрузку, связанную с проводимой аграрной политикой, до принятых в мировой практике норм.

Важнейшая социальная проблема России – неудовлетворенная потребность в жилье российских семей. Масштабы потенциального спроса на новое строительство огромны. Если, используя меры государственной политики, удастся переломить традицию низких сбережений домашних хозяйств в России, то экспансия жилищного строительства может стать мотором восстановления экономического роста в России. Основное препятствие на пути использования такой возможности – острая диспропорция между ограниченными семейными доходами среднеобеспеченных групп населения и стоимостью нового строительства, слабое развитие залогового кредитования. Одновременно государство в больших масштабах участвует в текущем финансировании содержания жилого фонда.

Недостаток бюджетных ресурсов не позволяет государству проводить активную жилищную политику. Выбраться из этого порочного круга можно лишь на основе серьезной реформы государственной жилищной политики. Ее необходимыми элементами являются: постепенное повышение доли населения в оплате текущего содержания жилого фонда, формирование системы жилищных дотаций для малообеспеченных семей, развитие системы коммерческого кредитования жилищного строительства, упорядочение земельной собственности в городах, разработка правовой базы регулирования отношений собственности на жилье, создание на федеральном и местном уровнях программ предоставления бюджетных ссуд и субсидий, позволяющих сократить разрыв между реальными финансовыми

возможностями семей со средним доходом и стоимостью нового жилища.

Е.Гайдар писал, что главной ставкой России в борьбе за место в мировой цивилизации является сравнительно высокий образовательно-культурный уровень населения, а не природные ресурсы. Однако масштабы бюджетного финансирования отраслей социально-культурной сферы в России отнюдь не чрезмерны по стандартам развитых рыночных экономик. Доля этих расходов в ВНП на протяжении многих лет существенно не изменялась, что привело к примерно 30%-ному снижению реального размера ассигнований. Отсюда падение реальной заработной платы занятых в этих отраслях работников, ухудшение их материального обеспечения, общий кризис социально-культурных отраслей.

Реально продвинуться в решении этих проблем можно, по мнению Е.Гайдара, лишь дополнив бюджетные ассигнования частным финансированием. В рыночных экономиках сопоставимые с российскими масштабы бюджетного финансирования здравоохранения, например, сочетаются с массовым привлечением на эти нужды частных ресурсов. Необходимо также повышать целевую направленность использования выделяемых государственных ресурсов, последовательно переходить от финансирования учреждений к финансированию программ и результатов.

При решении проблемы государственных расходов возникает острое противоречие между экономически необходимым и политически возможным. Е.Гайдар отмечает, что хорошо известна связь между экспансией социальных обязательств и ростом участия низкоходовых групп в голосовании. В стабильных демократиях, которые шли от ограниченной цензовой демократии к демократии, основанной на всеобщем избирательном праве, фактором, в какой-то степени сдерживающим форсированное наращивание социальных обязательств, было традиционно более ограниченное участие в выборах низкостатусных и низкоходовых групп, чем высокостатусных и высокодоходных. Этот фактор расширяет свободу политического маневра в плане снижения государственной нагрузки на экономику.

В России, как и в большинстве других постсоциалистических стран, ситуация диаметрально противоположная. Еще жива традиция, когда участие в выборах было признаком политической лояльности к социалистической системе. Поэтому в России низкостатусные и низкоходовые группы более активно участвуют в голосовании, чем средне- и высокостатусные. В результате политика, которая жестко

задана экономически, является крайне трудноосуществимой с политической точки зрения.

В этом, по мнению Е.Гайдара, кроется причина "рваного" ритма российских либеральных реформ. Они ускоряются в условиях очевидного и острого кризиса, как, скажем, в начале 1997 г., при многомесячных задержках с выполнением социальных обязательств, и при малейших признаках стабилизации тормозятся в силу действия политических факторов. Именно путем разрешения противоречия между жестко заданной либеральной экономической политикой и политическими ограничениями возможностей ее реализации будут определять ход развития событий в России в ближайшие 10-15 лет (9, с. 12).

Список литературы

1. Гайдар Е. Аномалии экономического роста // Вопр. экономики. – М., 1996. – N 12. – С. 20-39.
2. Гайдар Е. "Детские болезни" постсоциализма: (К вопросу о природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации) // Там же. – 1997. – N 4. – С. 4-25.
3. Гайдар Е. В начале новой фразы: Экон. обозрение // Коммунист. – М., 1991. – N 2. – С. 8- 19.
4. Гайдар Е. Логика реформы // Экономика и жизнь. – М., 1993. – N 49. – С. 1.
5. Гайдар Е. Нам удалось добиться главного // Там же. – 1993. – Спецвып. – С. 7.
6. Гайдар Е. Новые задачи: Выбор за нами // Вопр. экономики. – М., 1994. – N 9. – С. 4-10.
7. Гайдар Е. Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет // Вопр. экономики. – М., 1995. – N 12. – С. 4-11.
8. Гайдар Е. Самая верная политика – это ответственная политика, а не популизм // ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск, 1993. – N 11. – С. 3-10.
9. Гайдар Е. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику // Вопр. экономики. – М., 1998. – N 4. – С. 4-13.
10. Гайдар Е. Трудный путь от социализма // Экон. реформы = Econ. reforms. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 4-13.
11. Гайдар Е. Удастся ли затормозить гиперинфляцию? // ЭКО : Экономика и орг. пр. пр-ва. – Новосибирск, 1993. – N 4. – С. 119-
12. Гайдар Е. Экономические реформы и иерархические структуры / Отв. ред. Шаталин С.С.; АН СССР. Ин-т экономики и прогнозирования науч.-техн. прогресса. – М.: Наука, 1990. – 219 с.